

СОБЫТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛОГИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Е.А. КЛИМОВА

(к 80-летию со дня рождения)*

11 июня 2010 г. исполняется 80 лет Евгению Александровичу Климову, доктору психологических наук, профессору, академику РАО, декану факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова (1986–2000), заведующему кафедрой психологии труда и инженерной психологии МГУ (1983–2003), заведующему лабораторией психологии профессий и конфликта МГУ (с 1992 г. по настоящее время), президенту Российского психологического общества (1994–2002).

Главные вехи научной биографии Евгения Александровича обстоятельно представлены в ведущих психологических журналах, на персональной странице сайта факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова (<http://www.psy.msu.ru>). В рамках Второй межрегиональной научно-практической конференции «Прикладная психология как ресурс социально-экономического развития России в условиях преодоления глобального кризиса» (11 июня 2010 г.) на факультете психологии МГУ состоится круглый стол «Психология человека как субъекта труда: итоги и перспективы», посвященный научному творчеству Евгения Александровича Климова. Ориентируясь на тематику данного журнала, хотелось бы специально остановиться на тех работах

Е.А. Климова, в которых он обращается к проблемам истории и методологии психологии.

В роли историка психологии Е.А. Климов оказался, выстраивая авторский курс «Психология труда», который он начал читать студентам факультета психологии МГУ в начале 1980-х гг. Общие контуры этой дисциплины в ее обновленном понимании (расширенном до охвата всего разнообразия форм труда, а не только профессий сферы материального производства) были заданы Е.А. Климовым в статье «Психология труда как область знания, отрасль науки, учебная дисциплина и профессия» (Климов, 1983).

Уже в этой работе Климов проводит мысль о разных формах представленности в общественном сознании психологического знания в целом и психологических знаний о труде и трудящемся в частности. Речь шла при этом о научном знании, а также знании вне- и донаучном. Указанные формы психологического знания сосуществуют и в настоящее время, выполняя регулятивную, ориентирующую и организующую функции в жизни людей. Подобное представление, как нам думается, полезно иметь в виду психологам-профессионалам, проектирующим направления и способы внедрения научно-психологических разработок в практику.

* Фотография юбиляра в камзоле XIX в. на первой странице обложки (ред.).

Выпускники отделения русского языка, логики и психологии историко-филологического факультета Казанского университета, 1953 г. В центре – главный наставник – психолог Вольф Соломонович Мерлин, крайний слева в среднем ряду – Евгений Климов

Б.М. Теплов в своем докладе о перспективных направлениях истории психологии в 1960 г. подчеркивал важность изучения ранних, латентных по отношению к развитой науке форм психологического знания, сложившихся в культуре предшествовавших эпох (Теплов, 1960). Теплов говорил о том, что выявление такого рода психологических знаний может быть свидетельством их важности, как составляющих общей картины мира наших предков, а также с точки зрения их объяснительной функции в воздейственных технологиях своего времени. До поры до времени эта идея оставалась не реализованной в отечественной истории психологии, применительно к истории психологии труда эту идею взял на вооружение Е.А. Климов.

В работе О.Г. Носковой, проведенной под руководством Е.А. Климова, в массиве публикаций отечественных специалистов-практиков (врачей, педагогов и инженеров) конца XIX – начала XX века удалось найти социально важные задачи, отражавшие потребности эпохи капитализма и требовавшие научного подхода в изучении и объяснении работающего человека, процесса и результатов его труда; кроме того, в изученных текстах первоисточников были обнаружены первые аналоги научных проблем современной психологии труда и смежных прикладных психологических направлений (Носкова, 1986).

В целях выявления психологического знания во внеучебных текстовых источниках Е.А. Климов разработал «метод логической реконструкции», который

был использован в анализе памятников устного народного творчества (былин, сказаний, мифов и пр.) и письменных текстов, в которых фиксировались и передавались новым поколениям секреты профессионального мастерства. В итоге было подготовлено учебное пособие, объединившее программу, методические средства и результаты историко-научного изучения ранних форм психологического знания, сложившихся в культуре России с глубокой древности до эпохи формирования научного подхода в данной области знаний в конце XIX – начале XX века (Климов, Носкова, 1992).

Понятно, что разделы этой книги неравноценны по степени проработанности и некоторые из них следует рассматривать скорее как программу будущих возможных историко-психологических исследований. Евгений Александрович продолжил это направление исследований и в последующие годы обстоятельно проанализировал психологические знания о труде в работах М.В. Ломоносова и в целом в публикациях авторов эпохи Просвещения (Климов, 1986; Климов, Носкова, 1994).

Особое место в творчестве Евгения Александровича заняли пословицы, поговорки, как форма представленности знаний о человеке, его психике, о системном подходе (Климов, 1993; 2006). Реконструкция «психологической мысли в народном сознании далекого прошлого», филигранно и с любовью выполненная Евгением Александровичем, стала одним из оснований для А.Л. Журавлева, предложившего назвать Е.А. Климова «народным психологом России» (Журавлев, 2010).

Оказавшись в роли декана факультета психологии МГУ – одного из ведущих центров подготовки высококвалифицированных кадров психологов, Евгений Александрович Климов, конечно, не мог пройти мимо методологических проблем

психологии в целом и психологии труда в частности.

Вопросы методологии психологии (и в первую очередь прикладной психологии) были предметом обсуждения на методологическом семинаре, действовавшем на факультете психологии МГУ под руководством Е.А. Климова в течение нескольких лет (начиная с 1990 года). Главные идеи Евгения Александровича, как участника этого семинара, представлены в трех его статьях (Климов, 1990; 1991; 1992). Методология психологической науки, и особенно ее прикладных направлений, расценивалась автором как область знания, особенно важная для молодых психологов, студентов и аспирантов, – это круг вопросов, судьбоносных для будущего психологической науки.

На первом заседании семинара Климов обратился к его участникам с вопросами, не потерявшими своей актуальности для психологии и сегодня, спустя 20 лет. Речь шла о точности, истинности (или ложности) знания и соотношении этих критериев с представлениями о благе или зле, о ценностных критериях знания, а также о формах использования вымыслов (суждений, не являющихся приближением к реальности, сколь угодно точным отображением реальности) и «технологических вымыслах» (Климов, 1990).

Как нам представляется, эти идеи Евгения Александровича приближают его видение методологических основ психологии к современным конструктивистским подходам, согласно которым научно-психологическое знание не просто отображает нечто уже существующее в реальности, независимо от познающего субъекта, но оно в известной мере и порождается психологом, особенно психологом-практиком. Психолог-практик (психолог, занимающийся коррекционно-воздейственной работой,

психолог-консультант и пр.) пользуется не только истинностными критериями, но, по необходимости, порождает «вымыслы», проводит «мысленный эксперимент», где-то что-то не договаривает клиенту в интересах решения поставленной проблемы, для него важны и ценностные критерии используемых познавательных средств. Климов подчеркивает методологическое своеобразие способов оперативной психогностики, которой пользуется психолог-практик, и эти оперативные методы не могут основываться на данных математической статистики в силу временных режимов профессиональной деятельности психолога. Таким образом, Е.А. Климов поставил на повестку дня для обсуждения и неспешной рефлексии вопросы методологии практической деятельности психологов, а также методологии научного обеспечения этой деятельности.

Во второй статье этого цикла Евгений Александрович обсуждает стратегии профессионального мышления психолога-практика и методы познания психической реальности, которые, по его мнению, характерны и для других специалистов, имеющих дело со сложными многомерными, изменчивыми, многопризнаковыми объектами (Климов, 1991). Он выделил специфичный познавательный прием, используемый психологами-практиками, прием, состоящий в «заострении», «экстремизации» ситуации обследования, обозначенный им как «*даже-принцип*». Климов указывает на тот факт, что использование данного методического приема противостоит традициям научного исследования, ориентированного преимущественно на средства вариационной статистики. Что же, тем хуже для традиций: традиционная методология должна использоваться там, где ее познавательные орудия адекватны. Для оперативной практической психогностики

(без статистики) более адекватными оказываются методы, использующие принцип «заострения» ситуации.

Е.А. Климов призывает научное сообщество к разработке методологии психологической практики и методологии обеспечивающей ее научной теории, которые были бы адекватны практическим задачам психологов. В итоге констатируется определенный разрыв методологии научных исследований и методологии практики в психологии: сложившиеся методологические традиции, подходы, опирающиеся на математическую статистику, признаются недостаточными, требующими дополнения и трансформации. Одно из перспективных направлений разработки методологии психологической практики – использование идеи обострения противоречий, характерных для изучаемой реальности. Но при этом Е.А. Климов категорически возражал против крайностей в реализации идей гуманитарного подхода в психологии, в частности против полной отмены проверки эмпирических гипотез с помощью выборочного сравнения и применения статистических критериев достоверности различий и обучения этому студентов-психологов. Сложность в том, что не всегда очевидны границы адекватного применения тех или иных стратегий познания в психологии. И, кроме того, вероятно, существуют (или могут быть разработаны) и другие методы качественного анализа, адекватные практике.

Третья статья из обозначенной выше серии носит теоретико-методологическую направленность (Климов, 1992). В ней автор противопоставляет «рефлексу», как базовому понятию природных оснований психики, «теории отражения» (защитники которой все еще встречаются среди философов и психологов) «амбифлекторную» природу психики. «Амбифлекс» для автора – «единица

системной организации психического... Может пониматься как соединение функционального «маятника» и «рефлекторного кольца». Маятник обеспечивает перебор вариантов в некоторой ограниченной зоне активности, а кольцевая схема регулирования приводит к некоторому оптимальному уровню функционирования системы на грани «настоящее – будущее»» (Климов, 1992, с. 57). Как нам представляется, идея функционального маятника психических процессов чем-то напоминает аристотелевское представление о роли движений органов чувств животного, которые, двигаясь и соприкасаясь с внешней средой, порождают следы этих взаимодействий (больших и малых по интенсивности), и на основе совокупности сформированных следов у живого существа (животного и человека) возникает «образ» среды. Важно при этом, что характеристики психического образа совокупно обусловлены и активностью живого существа, и своеобразием среды, с которой оно взаимодействует.

Пример: колебания эмоциональной возбудимости ребенка, подростка, его действия в процессе общения со сверстниками (физические и вербальные), плохо регулируемые и бессмысленные для внешнего наблюдателя, по сути, могут быть такими изменчивыми по интенсивности пробными актами (действиями функционального «маятника»). В процессе осуществления такого рода действий формируются образы других людей, себя, своих возможностей, произвольная саморегуляция коммуникативного поведения (и при этом используются регуляторные механизмы рефлекторного кольца).

Принцип амбифлекторности психики был встречен с интересом рецензентами. Для С.Д. Смирнова эта идея во многом подтверждала его экспериментальные исследования в области порождения зрительного образа и представлялась перспективной. О.К. Тихомиров,

*Е.А. Климов выступает перед коллегами в лаборатории психологии профессий и конфликта, МГУ, 2009 г.***

признав идею амбифлекторности полезной для психологии, обозначил ее ограниченность и необходимость исследовать не только явления автоколебаний психики, но и ее творческую природу, не только процессы «отражения существующей реальности», но и порождение в психике новой реальности.

Как нам представляется, важны оба направления исследований. Идеи амбифлекторности психики не исчерпаны, полезно было бы использовать эти представления в систематически организованных исследованиях, проводимых на разных уровнях психической реальности – и в исследовании изменчивости, колебаний перцептивных и сенсомоторных функций, внимания, эмоциональных переживаний, колебаний активности личности в коммуникативной сфере у людей разного возраста, изменчивости интересов, предпочтений и пр. Особенно важно было бы исследовать не только устойчивость, стабильность функций, но и их изменчивость,

** Автор фотографии В.А. Михеев (ред.).

размах функциональных колебаний, ритм, закономерности динамики и связь с продуктивностью в профессиональной деятельности.

В истории труда с развитием цивилизации работающий человек представлялся своего рода машиной, функции которой задавались набором специфических профессиональных задач. Идеал работника рисовался как человек, который способен длительное время осуществлять социально заданные задачи на требуемом уровне качества и скорости. При этом все колебания продуктивности и колебания психических функций, обеспечивающих труд, рассматривались как нежелательные помехи, которые следует ликвидировать. До сих пор изменчивость профессионально важных качеств выступала как негативная их характеристика, тогда как, возможно, эта характеристика отображает закономерные свойства субъекта труда, его сущностные природные особенности, выполняющие специфические регуляторные задачи, особенности, не устранимые в принципе, особенности, которые можно с помощью волевых усилий лишь на время минимизировать.

Размышления Е.А. Климова о природе психической реальности, специфических трудностях ее научного постижения, о методологии и методах построения научной теории в психологии иллюстрируются материалом психологии труда, психологического профессионального образования, практики индивидуального психологического консультирования. Соответствующие разделы представлены в серии его учебных пособий (Климов, 1995; 1997; 1998; 1999 и др.).

Сущность психики рассматривается Е.А. Климовым с точки зрения системной методологии. При этом мозг, нервная система выступают в качестве внутренних условий, обеспечивающих психические функции человека, но

не в роли их универсальных детерминант. Для психологии труда ключевой категорией, по Климову, является человек как субъект трудовой деятельности, «делатель», создатель продукта, полезного для общества. Психика человека, субъекта деятельности рассматривается с учетом объемлющей его системы (не только витальной, предметно-пространственной, но главное — социальной, информационной). Признается действительность и реальность не только внешних, объектных воздействий на поведение человека, но и воздействий внутренних, субъектных. Подчеркивается, что психическая реальность не доступна непосредственному наблюдению, но может изучаться только опосредованным методом. Признается уникальность, неповторимость каждого человека, которую необходимо научиться выявлять, понимать, объяснять, описывать в целях построения прогноза будущих форм его активности и способов целенаправленного воздействия. Практика работы психолога с отдельным человеком, практика оказания психологической помощи требует разработки особой методологии научно-психологического исследования и методологии воздействия.

В соответствии с традициями современного науковедения Е.А. Климов разделяет *научную теорию* (с ее логико-рациональным и эмпирико-фактологическим обоснованием), *методологию* и *профессиональную идеологию*. Профессиональная идеология отражает совокупность мнений, оценок представителей научной школы, кружка. Примером профессиональной идеологии в ее позитивной форме могут быть, в частности, призыв Климова реализовать принцип равного уважения к представителям разных профессий, его предложение придерживаться одновременно коллективистических ценностей и ценностей индивидуалистических, не впадая

в крайности. Но усилия представителей отдельных научных школ иногда направлены главным образом на защиту и поддержание статуса своей научной школы при обесценивании достижений ученых, представляющих другие научные школы. Таким образом, вместо культивирования духа партнерских взаимодействий, сотрудничества и полезного дополнения достижений разных школ встречаются случаи деструктивного поведения психологов, которые могут облекаться в «одежды» методологических дискуссий, на деле являясь отображением групповых интересов, внутрипрофессиональной конкуренции.

Из признания относительности научных истин следует ограниченность приложений любой научной теории, соответственно, границам предметной области, послужившей базой для эмпирического исследования автора при создании основ теории. Е.А. Климов отмечает, что последователи научных школ в психологии нередко относятся догматически к научной теории лидеров этих школ. Они не развивают ее, не производят нового научного знания, но лишь демонстрируют возможность приложения конкретной теории во все новых областях действительности. При этом сама теория понимается как завершенная и содержащая всеобщую истину, а психологическая практика во всех ее разнообразных формах оказывается лишь полем приложения этих всеобщих истин. Встречаются случаи, по наблюдениям Климова, когда психологи, завершив свое исследование, проявляют озабоченность не столько достоверностью порожденного ими научного знания, сколько степенью согласованности его с положениями классической теории, с мнениями и оценками авторитетного ученого – лидера определенной научной школы, что приближает поведение ученых-психологов к поведению адептов религиозного

учения. Такой подход игнорирует необходимость совершенствования, развития классической теории применительно к новым условиям, возрастным особенностям испытуемых, к содержанию их деятельности, уникальным особенностям личности и пр. (Климов, 1990).

Разделяя необходимость различения естественно-научной и гуманитарной парадигм в психологии, Е.А. Климов призывает, во-первых, к сосуществованию их обеих, и вообще он является сторонником сосуществования многих психологических теорий, а не некой единой (соответственно, многообразию практических задач и обусловленных ими разных ракурсов научного исследования психической реальности). Он видит в многообразии теорий признак прогрессивного развития психологического знания, а вовсе не симптом кризиса. Во-вторых, Климов выступает против экстремизма некоторых адептов гуманитарной парадигмы в психологии, которые формируют новый образ научной психологии, а именно образ «красивой научной теории», не отягощенной стремлением к точности и доказательности утверждений и выводов. Он принимает классификацию видов точности знания, представленную В.И. Кураевым и Ф.В. Лазаревым (1988), и призывает психологов стремиться не только к метрической точности эмпирических данных, но также к точности семантической, концептуальной, логической. Ориентация психологов на исследование уникальных объектов (отдельной личности в ее неповторимости) должна сопровождаться, по мнению ученого, «...скрупулезной детализацией программ наблюдения, недвусмысленным определением единиц наблюдения, строгостью научного описания, полнотой и строгостью учета качественных признаков объекта» (Климов, 1990, с. 19). Идеи по части разработки методологии исследования идиографических объектов

выстраиваются Е.А. Климовым не умозрительно, но с опорой на опыт многолетних исследований и успешной практики в области психологической помощи в профессиональном самоопределении отдельным лицам (оптантам).

Полезным для молодых психологов, на наш взгляд, является изложение Е.А. Климовым методов построения научной теории, выработанных современным науковедением (Климов, 1998). Этот раздел важен не только для усвоения студентами-психологами материала курса «Психология труда», он необходим для подготовки к теоретической работе в любой области психологии. Здесь Е.А. Климов не просто излагает методологические нормы построения научной теории, но он это делает на понятных читателю примерах. Его ученики и читатели понимают, что научная теория не может состоять только из непротиворечивых и красивых по форме рассуждений (или только из описания некой совокупности эмпирических данных). Это примеры полуфабрикатов, теоретических полуобъектов (простых и сложных), это начало построения теории, которое следует дополнить (логические рассуждения необходимо дополнить эмпирией, и, наоборот, если исследователь начинает строить теорию с новых фактов – на следующем этапе факты должны быть теоретически осмыслены и включены в контекст теорий). Читатель знакомится с основными методами (способами) построения научной теории, начиная с процедур определения научного понятия и поиска подходящих терминов.

Как нам представляется, освоение студентами-психологами курса методологических основ психологии, других учебных дисциплин, ориентированных на вопросы методологии прикладной психологии, полезно было бы оснастить задачиком-казусником. Такой

«казусник» мог бы содержать как позитивные, так и негативные примеры научных текстов, которые можно было бы анализировать с целью формирования у учащихся полезных науковедческих и методологических установок и ориентиров. Таким образом, можно было бы приблизиться к реализации замысла Е.А. Климова о возможном приобщении читателей его книг к процессу и способам построения полноценного научного знания, к формированию относительно полной системной ориентировки учащихся в данной области, а не только к «потреблению» готовых образцов научной теории.

Литература

Журавлев А.Л. Народный психолог России // Национальный психологический журнал. 2010. № 1. С. 18–20.

Климов Е.А. Психология труда как область знания, отрасль науки, учебная дисциплина и профессия // Вопросы психологии. 1983. № 1. С. 102–108.

Климов Е.А. Психологическое знание о труде в сочинениях М.В. Ломоносова // Вестник Московского ун-та. Сер. 14. Психология. 1986. № 3. С. 8–20.

Климов Е.А. Точность, истинность знания и «технологический вымысел» в психологии // Вопросы психологии. 1990. № 2. С. 14–23.

Климов Е.А. Об одном ходе мысли, полезном для психолога // Вестник Московского ун-та. Сер. 14. Психология. 1991. № 2. С. 3–11.

Климов Е.А. Об амбифлекторной природе психического // Вестник Московского ун-та. Сер. 14. Психология. 1992. № 1. С. 51–57.

Климов Е.А. Идея системного подхода в народном сознании // Вестник Московского ун-та. Сер. 14. Психология. 1993. № 3. С. 3–12.

Климов Е.А. Образ мира в разнотипных профессиях. Уч. пособие. М., 1995.

Климов Е.А. Основы психологии. Учебник. М., 1997.

Климов Е.А. Введение в психологию труда. Учебник. М., 1998.

Климов Е.А. Общая психология. Общеобразовательный курс. Уч. пособие для вузов. М., 1999.

Климов Е.А. Психологическая мысль в народном сознании далекого прошлого. М., 2006.

Климов Е.А., Носкова О.Г. История психологии труда в России. М., 1992.

Климов Е.А., Носкова О.Г. О психологии труда в России XVIII века // Вестник Московского ун-та. Сер. 14. Психология. 1994. № 1. С. 43–51; № 2. С. 50–58.

Кураев В.И., Лазарев Ф.В. Точность, истина и рост знания. М., 1988.

Носкова О.Г. Психологические знания о труде и трудящемся в России конца XIX – начала XX века: дис. канд. психол. наук. М., 1986.

Теплов Б.М. О некоторых общих вопросах разработки истории психологии // Вопросы психологии. Материалы Второй Закавказской конференции психологов. Ереван, 1960. С. 3–12.

О.Г. Носкова